

огромную роль в сегодняшней напряженной идеологической борьбе во имя человека.

¹ Камю А. Избранное.— М., 1969, с. 130.

² Там же, с. 376.

³ Быков В. Подвиг солдата и досужие вымыслы.— Литературная газета, 1973, 14 февраля.

⁴ Беседа В. Быкова со студентами Белгосуниверситета 27.12.1977.— Материалы архива кафедры белорусской литературы (Магнитофонная запись).

⁵ Петров С. М. Социалистический реализм.— М., 1977, с. 127.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.

⁷ Быкаў В. Праўдай адзінай.— Мінск, 1984, с. 6.

Г. А. ШАРУК

МАРГАРЕТ ФУЛЛЕР И АДАМ МИЦКЕВИЧ

Судьба М. Фуллер, американской писательницы и литературного критика, участницы итальянской революции 1848 года, сподвижницы Дж. Мадзини, но так и оставшейся американкой, переплелась с судьбами выдающихся европейских современников. Среди них в первую очередь следует назвать имя Адама Мицкевича, всемирно известного польского поэта, революционера и патриота.

С «польским Данте» М. Фуллер посчастливилось встречаться дважды. 15 февраля 1847 года в Париже состоялось их личное знакомство после того, как М. Фуллер прочитала лекцию А. Мицкевича о ее американском кумире и литературном наставнике Р. У. Эмерсоне. Потрясенная до глубины души тем, что А. Мицкевич знакомил французских слушателей с идеями американского философа, ее соотечественника, «конкордского мудреца», что он цитировал уже тогда бывший редкостью журнал «Циферблат», она обратилась к именитому поляку с просьбой о личной встрече. Во время этой встречи обнаружилась духовная близость и родство, единство и общность взглядов и идейных устремлений этих двух современников с разных концов земного шара. Делясь с Р. У. Эмерсоном впечатлениями об этой встрече, она писала: «Встретила человека, в котором интеллект и страсть находятся в такой пропорции, в какой они должны находиться в каждом полноценном человеческом существе, — человека с пылающей душой»¹.

Имя А. Мицкевича неоднократно упоминается М. Фуллер в ее корреспонденциях в «Трибуну» в связи с его политической и революционной деятельностью по созданию польского легиона для оказания помощи и поддержки национально-освободительной борьбе итальянского народа. Этот революционный бунтарь, изгнанный из Польши царским правительством, подобно Дж. Мадзини, «не только призывал к борьбе за свободу своей страны от внешнего угнетения, но и выступал за политические права, свободу слова, земельные реформы, женское равноправие... словом, за демократию»².

Для М. Фуллер эмансипация женщин была «делом, которое сильнее всего, за исключением бурной итальянской революции, затрагивало сокровенные глубины ее мятежной души». Она написала книгу «Женщина в XIX столетии», содержащую аргументированные требования предоставления женщинам свободы и равноправия. Этой книгой, «наделавшей в Америке много шума», «респектабельные бостонские «синие чулки» — женского и мужского пола — были весьма скандализированы»³, а по мнению Э. По, ее «могли написать лишь немногие, но никто из них не отважился бы опубликовать ее, за исключением М. Фуллер»⁴. И вполне закономерно, что она нашла у польского собрата по перу много мыслей, созвучных ее пониманию женского предназначения, что центральной темой их бесед и переписки стали вопросы женского равноправия, миссии женщины, ее духовного прогресса. А. Мицкевич сумел разглядеть и высоко оценить внутреннюю красоту и обаяние этой женщины редких духовных качеств. Он придавал первостепенное значение борьбе М. Фуллер за эмансипацию женщин и видел ее призвание в том, чтобы «содействовать освобождению польской, французской и американской женщины» так как считал, что она «единственная из женщин, посвященная в равной мере в тайны древнего мира, единственная, которой дано было коснуться того, что является решающим в нынешнем мире, и предчувство-

вать мир будущего»⁵. Он верил, что придет время, «когда внутренняя красота, внутренняя духовная жизнь станет первым и основным достоинством женщин. Без этой внутренней красоты женщина не привлекает даже физически» (с. 103).

Вацлав Кубацкий, автор пьесы «Римская весна, или Последняя любовь», посвященной итальянскому периоду жизни М. Фуллер и А. Мицкевича, показывает, что А. Мицкевич непрестанно казнил себя за то, что во время польского национального восстания 1830 года не был на родине, а после русской ссылки отправился в путешествие по Западной Европе: «Мне не привелось сразиться на родных полях битв, но теперь вся Европа представляется мне как арена великих боев. Мне не удалось принять участие в нашей национальной войне, но теперь мне дается возможность бороться за дело угнетенных народов. Я не имею права пренебречь этой возможностью» (с. 90). «В настоящее время Италия — единственное место на земле, где можно действовать во имя Польши, воплощая в жизнь новый польский дух, где можно впервые чувствовать себя свободным и независимым» (с. 86). Как свидетельствует пьеса, М. Фуллер понимала патриотические чувства А. Мицкевича и дружески относилась к Польше: «Она мне близка, ибо это ваша родина, хотя я чуть-чуть в обиде на нее за то, что она отняла вас у меня» (с. 93).

А. Мицкевич учил М. Фуллер, что «литература еще не вся жизнь», заставляя ее задуматься о противоречиях и перспективах общественной борьбы, помогая ощутить тесную причастность к общественно-политическим конфликтам своего времени. И характерно, что отстраненность от насущных проблем своего времени, позицию невмешательства своей юности она обменяла на бунтарские идеалы, моральную стойкость человека и писателя, активную гражданскую позицию зрелого возраста.

Беспорно влияние А. Мицкевича на М. Фуллер в том, что она нашла свое нелегкое женское счастье в Италии, стала женой порвавшего со своим классом итальянского революционера маркиза Оссоли, а затем обрела счастье материнства. Замужество М. Фуллер не отразилось на ее дружбе с А. Мицкевичем. Из Франции и Италии А. Мицкевич писал М. Фуллер о своей революционной деятельности, об экипировке польского легиона. Со своей стороны М. Фуллер знакомила его с итальянцами, беззаветно преданными делу революции, близкими ему по духу.

А. Мицкевичу всегда претил дух наживы, делячества, личного обогащения. Приближаясь к 50-летнему возрасту, он с головой уходит в политику и приводит в Италию легион, созданный из польских эмигрантов, осевших в Париже. В 1848 году он вторично встречается с М. Фуллер в Италии и не узнает в ней ту «ученую и педантку, которую встретил в Париже» (с. 27).

Как М. Фуллер, так и А. Мицкевич не умели быть счастливыми, если вокруг было несчастье. Слово свобода звучало для них по-особому. Они были уверены, что, принимая участие в борьбе за свободу других народов, способствуют торжеству разума и справедливости на своей родине, «что день падения деспотов будет первым днем согласия и счастья между народами»⁶. И хотя в пьесе «Римская весна» слова о том, что «свободу нельзя делить на свою и чужую. Свобода едина и неделима, как легендарный плащ Спасителя. Свобода итальянцев, чехов, словаков, иллирийцев — дело всего человечества» (с. 78), автор вкладывает в уста А. Мицкевича, под ними ни на минуту не задумываясь подписалась бы и М. Фуллер. Она тоже была интернационалисткой, высоко ценила это качество у других и, конечно, не случайно отдала 500 долларов из своих скудных сбережений ветерану борьбы за свободу Греции, Италии и Польши П. Х. Харрину, чтобы написанный им роман «Долорес» смог увидеть свет. М. Фуллер и А. Мицкевич не могли и не хотели жить в долг ни у прошлого, ни у будущего и оказались вовлеченными в водоворот современности. Итальянская революция влекла их с непреодолимой силой, и в Италии они оба испытали великое счастье сопричастности революции.

В Риме А. Мицкевич встречался с таким известнейшим американским писателем, как Ф. Купер, но именно М. Фуллер произвела на него глубочайшее впечатление, именно в ней он рассмотрел человека, заставившего его задуматься об истинном значении искренности, благородства, порядочности, ни за что не берущегося с холодными руками и равнодушным сердцем, не останавливающегося на полпути к вершине. Хотя влияние А. Мицкевича и М. Фуллер друг на друга было не столько литератур-

ным, сколько моральным и нравственным. оно оказалось действенным и плодотворным, возвышающим и облагораживающим, а это не менее существенно, особенно в такое беспокойное и тревожно-напряженное время, участниками и свидетелями которого они были.

Даже в их смерти есть что-то общее. Американка, сердцем ощутившая величие итальянской революции, трагически погибла после ее поражения в 1850 году, а А. Мицкевич заразился холерой и умер в Константинополе в 1855 году, когда пытался организовать отряд польских эмигрантов, чтобы вернуться на родину и поднять там одно из очередных освободительных восстаний.

На риторические вопросы, которые задавал А. Мицкевич М. Фуллер, когда писал ей о своей жизни («которая не оставила никаких следов на земле, ибо я не выигрывал сражений, не создавал и не разрушал городов. Что же мы можем внести нового в анналы истории? Мы жили только жизнью души. Можно ли знать, каких пределов достигнет это воздействие? Одно лишь время может показать, сколь оно обширно» (с. 105), дал ответ время.

Не оскудевает человеческая память, и мы чтим маркиза де Лафайета, участвовавшего в войне за независимость Америки, лорда Байрона, сражавшегося за свободу Греции, маркизу Маргарет Фуллер-Оссоли и Адама Мицкевича, боровшихся за свободу итальянского народа, гарибальдийцев, сражавшихся против тирании в Бразилии, блестящего математика С. В. Ковалевскую и ее сестру, принимавших участие в революционных событиях Парижской коммуны, Эрнеста Хемингуэя, всей душой ненавидевшего фашизм и вставшего против него в борющейся Испании, как и всех, кто сражался за правое дело народов, считая, что свобода должна быть уделом каждого из них, кто не только мечтал о завтрашнем дне, но и активно приближал его.

¹ Мицкевич А. Собр. соч. в пяти томах.— М., 1954, т. 5, с. 786.

² Deiss J. D. The Roman Years of Margaret Fuller.— New-York, 1969, p. 43.

³ Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли.— М., 1962, т. 2, с. 503.

⁴ Пое Е. А. Complete Works of E. A. Poe.— New-York, 1902, v. 9, p. 8.

⁵ Кубацкий В. Римская весна, или Последняя любовь. Письма А. Мицкевича М. Фуллер.— М., 1957, с. 100 (В дальнейшем ссылки на это издание даны в тексте статьи.)

⁶ Пушкин и Мицкевич. Клонясь к вершине дружеской вершиной.— Калининград, 1980, с. 6.